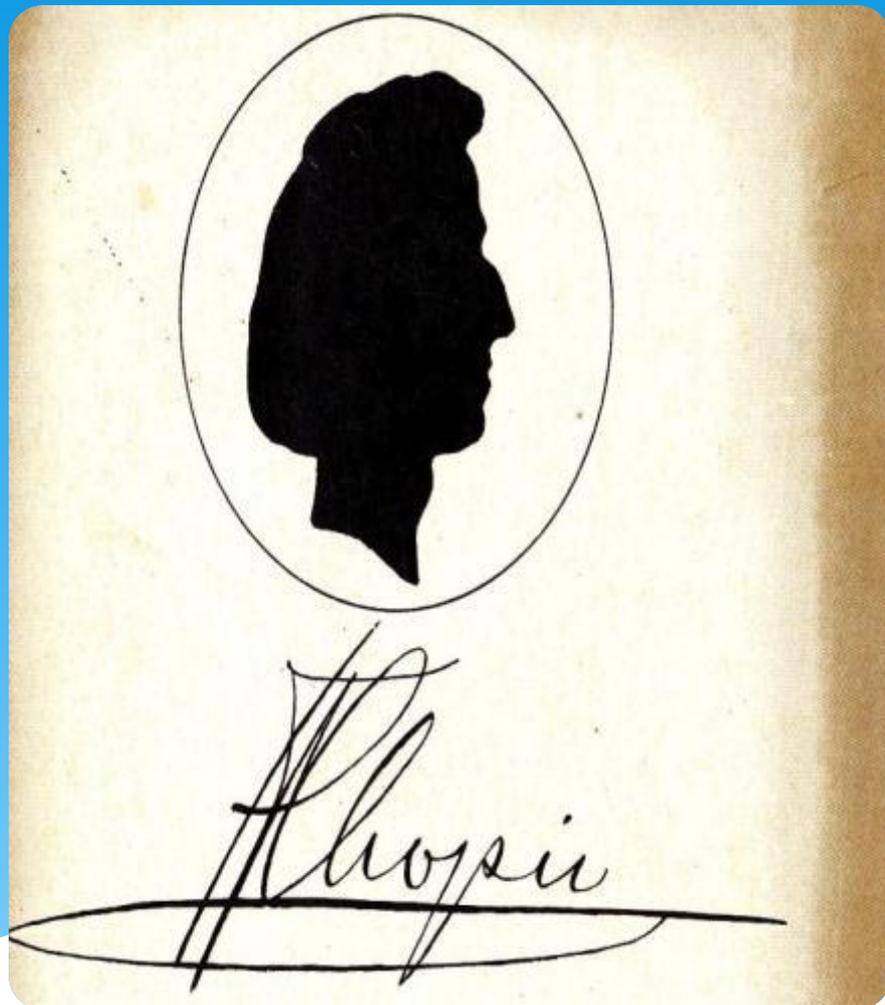

ФРИДЕРИК ШОПЕН

Мищенко Елена Дмитриевна
Преподаватель
МБОУ ДОД «Яшалтинская ДМШ»
Республика Калмыкия с.Яшалта

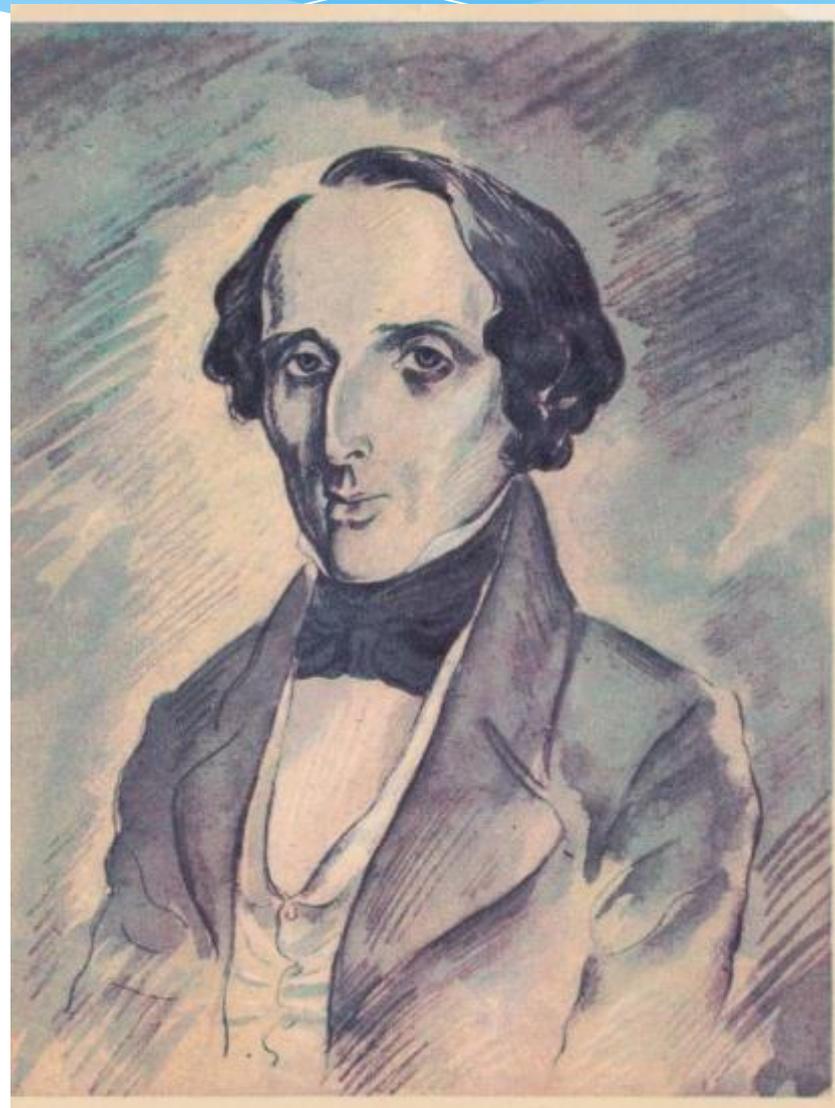

Шопен – один из самых любимых композиторов человечества.

Фридерик Шопен – гениальный музыкант, чуткий и вдохновенный певец родной Польши, несравненный поэт фортепиано, открывавший для грядущих музыкантов необозримые возможности инструмента.

Никакого предъявления «свидетельства о правах знатока» для доступа в сады, парки и оранжереи интеллектуально высокого мастерства и художественной культуры Шопена не требуется. Его искусство глубоко, по существу своему демократично и вседоступно, как жизнь сердца...

Б. Асафьев «Мазурки Шопена»

Отцу в день именин:

День столь прекрасный вновь
наступает!
День, что всегда нам так дорог и
мил,
Радостно сердце мое желает,
Чтоб счастливо долгие годы Ты жил.
Пусть небо дарит Тебе щедрой
рукою
Здоровье, бодрость, удачу, покой!

Ф.Шопен, Варшава
сего 6 декабря 1817 г.

... Невозможно умолчать перед публикой о следующей композиции, распространенной в виде гравюры дружеской рукой: «Полонез для фортепиано, посвященный ее превосходительству графине Виктории Скарбек Фридериком Шопеном, 8 лет от роду. Автор этого польского танца - мальчик, которому только что минуло восемь лет... доподлинный музыкальный гений, ибо он не только с величайшей легкостью и незаурядным вкусом исполняет на фортепиано труднейшие нескольких танцев и вариаций, которыми не перестают восхищаться знатоки музыки, особенно в виду детского возраста автора» пьесы, но и является автором».

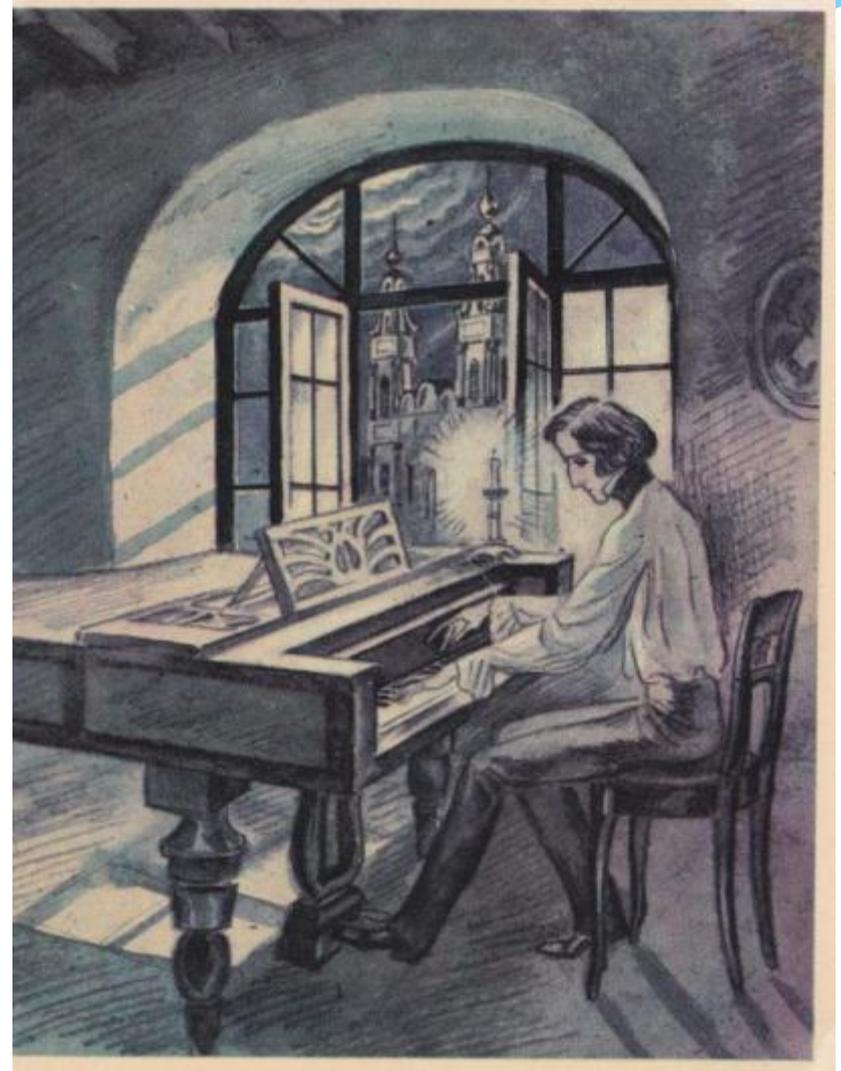

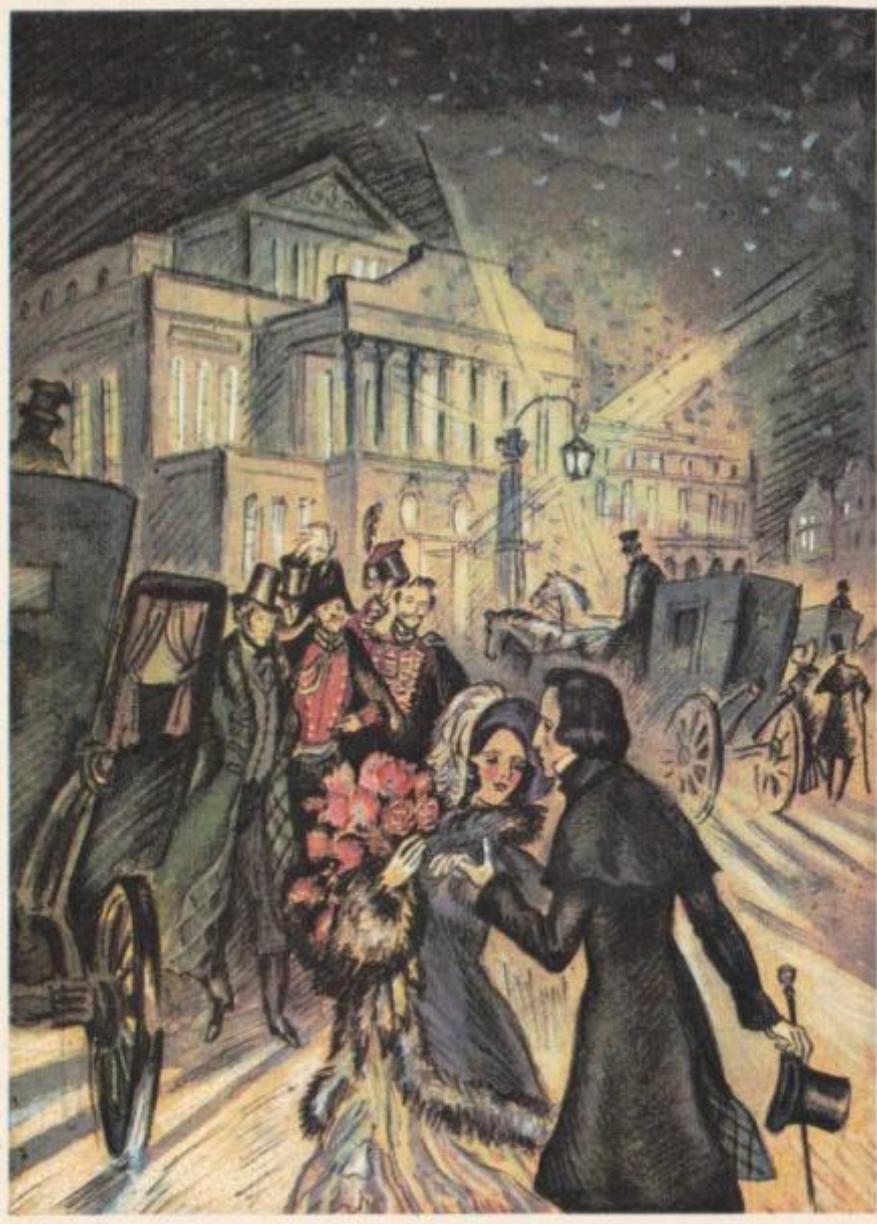
Личность Шопена во всех отношениях вызывает восхищение. Он был поляком и писал субъективно, но его объектом стал весь польский народ, поющий в его музыке.

Антон Рубинштейн

... Партитура *Rondo a la Krakowiak* закончена. Интродукция оригинальнее, чем я сам в своем байковом сюртучке. Но *Trio* еще не Окончено. У меня наверху есть комната, там мне будет удобно, к ней ведет отдельная лестница из гардеробной. Там у меня будет старое фортепиано, старый столик, этот уголок будет моим убежищем.

Ф.Шопен – Тирусу Войцеховскому.
Варшава 27 декабря 1828 г.

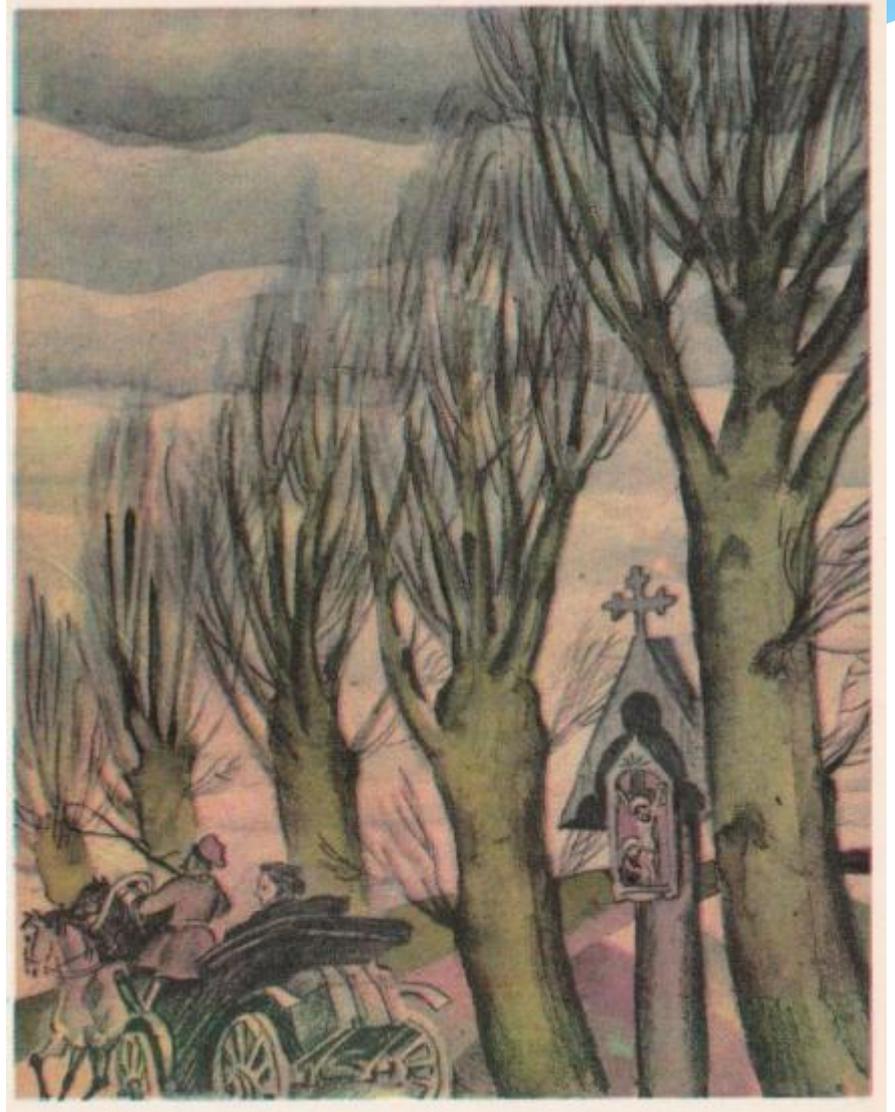

... Ведь у меня, быть может к несчастью, уже есть свой идеал, которому я, не перемолвившись с ним ни словом, преданно служу уже полгода, о котором мечтаю, которому посвящаю адажио моего концерта (фа минор) и который сегодня утром вдохновил меня на сочинение посылаемого Тебе вальса.

Ф.Шопен – Тирусу Войцеховскому.
3 октября 1829 г.

... Я думаю, что уезжаю для того, чтобы навсегда забыть о доме, думаю, что еду умирать, а так, должно быть, горько умирать на чужбине, не там, где жил.

Ф.Шопен – Тирусу Войцеховскому.
сентябрь 1830 г.

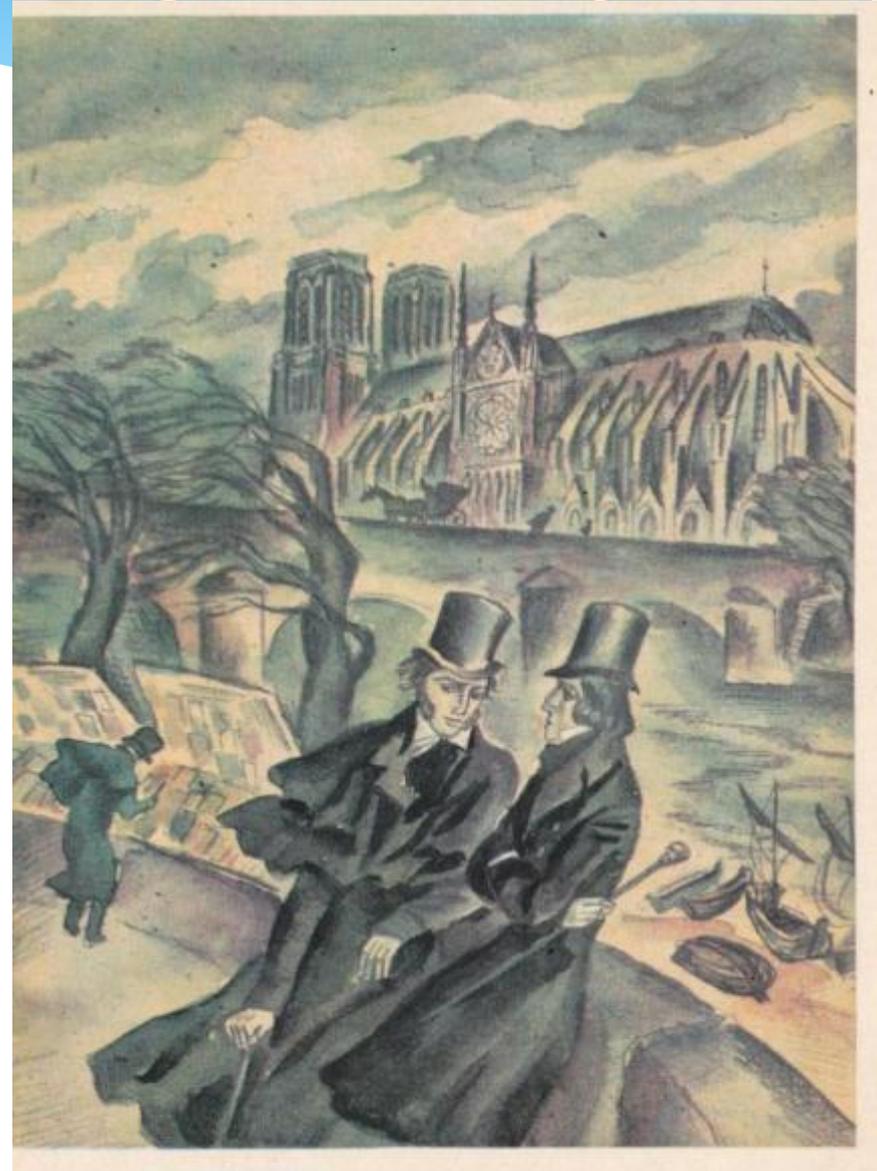

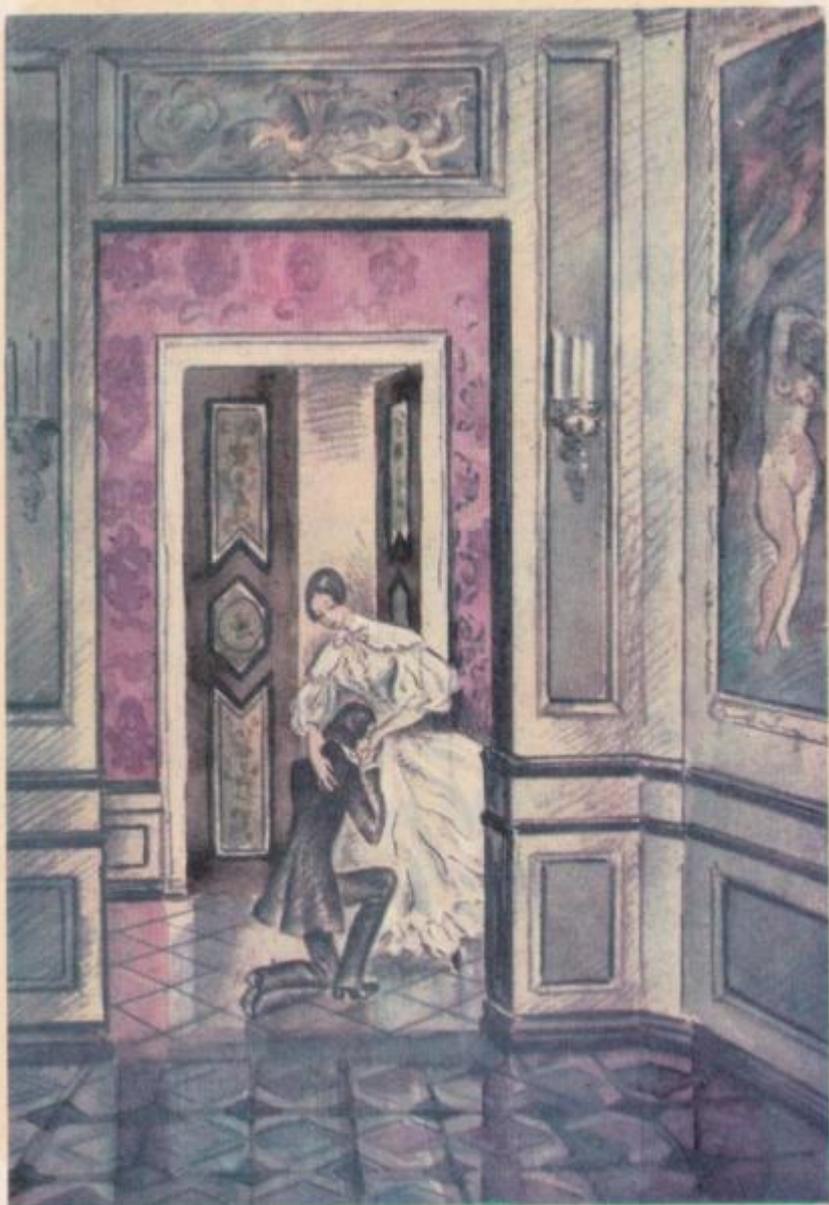

Те, кто слышал Шопена, могут сказать, что никогда ничего подобного потом не слышали. Его игра была, как и его музыка; что за мастерство и что за мощь, да, что за мощь!.. Этот человек весь дрожал. Фортепиано жило интенсивнейшей жизнью. Инструмента, который вы слышали, когда играл Шопен, никогда не существовало; он становился таким под его пальцами..

Джорж Матиас, ученик Шопена

Порою просто поражает, как сходна в эти годы жизнь Шопена с жизнью Мицкевича. Мы понимаем, что это созвучие истории, но в то же время чувствуем и другое: сердца великих сынов Польши бились в унисон с сердцем всего сражавшегося народа. И как же велик их вклад в эту борьбу, хотя они не принимали участия в восстании!

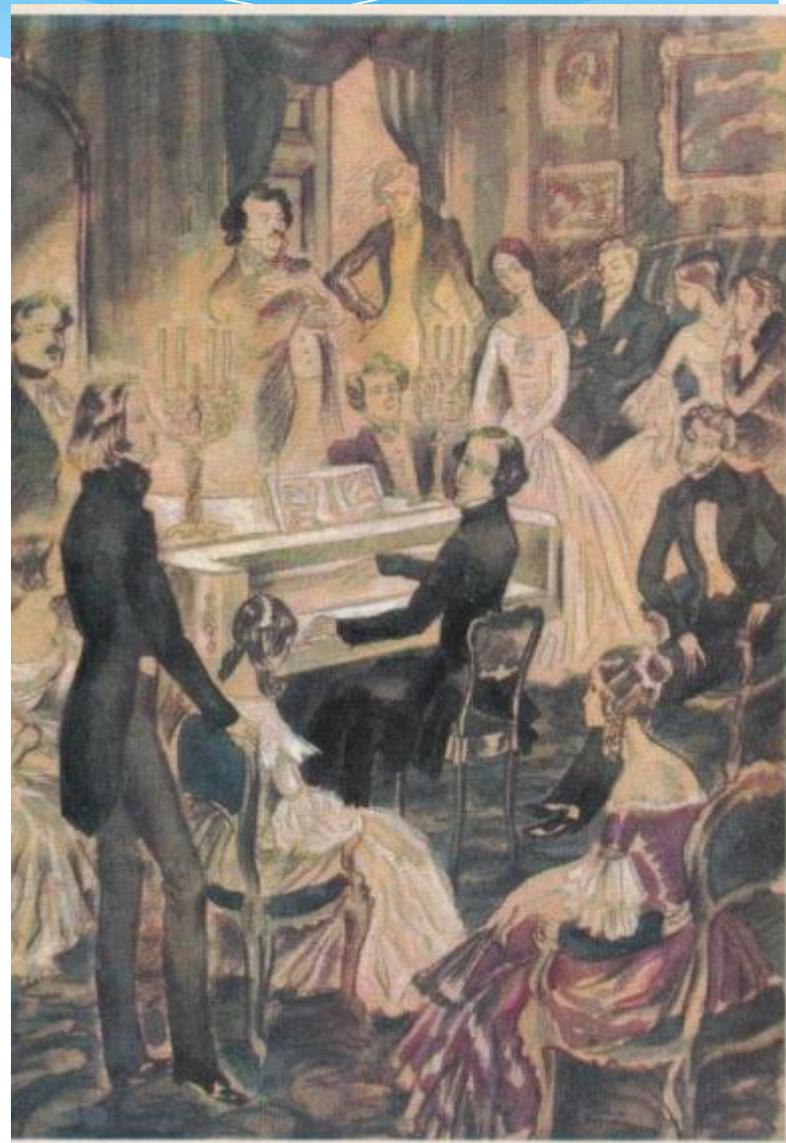

После смерти Шопена в его бумагах нашли связку писем Марии Водзинской с надписью почерком Шопена «Мое горе».

Наш кружок составляла горстка известных людей, каждый из которых склонил перед ним голову, как короли разных государств, собравшиеся почтить одного из них... Замечательные умы Парижа часто встречались в салоне Шопена. Он обладал тем врожденным даром польского радушия, которое не только подчиняет хозяина законам и долгу гостеприимства, но более того, - наказует ему полностью забыть о самом себе и думать только о желаниях и удовольствиях гостей. Мы любили приходить к нему, ибо каждый чувствовал себя так, как у себя дома, совершенно свободно...

Ф. Лист

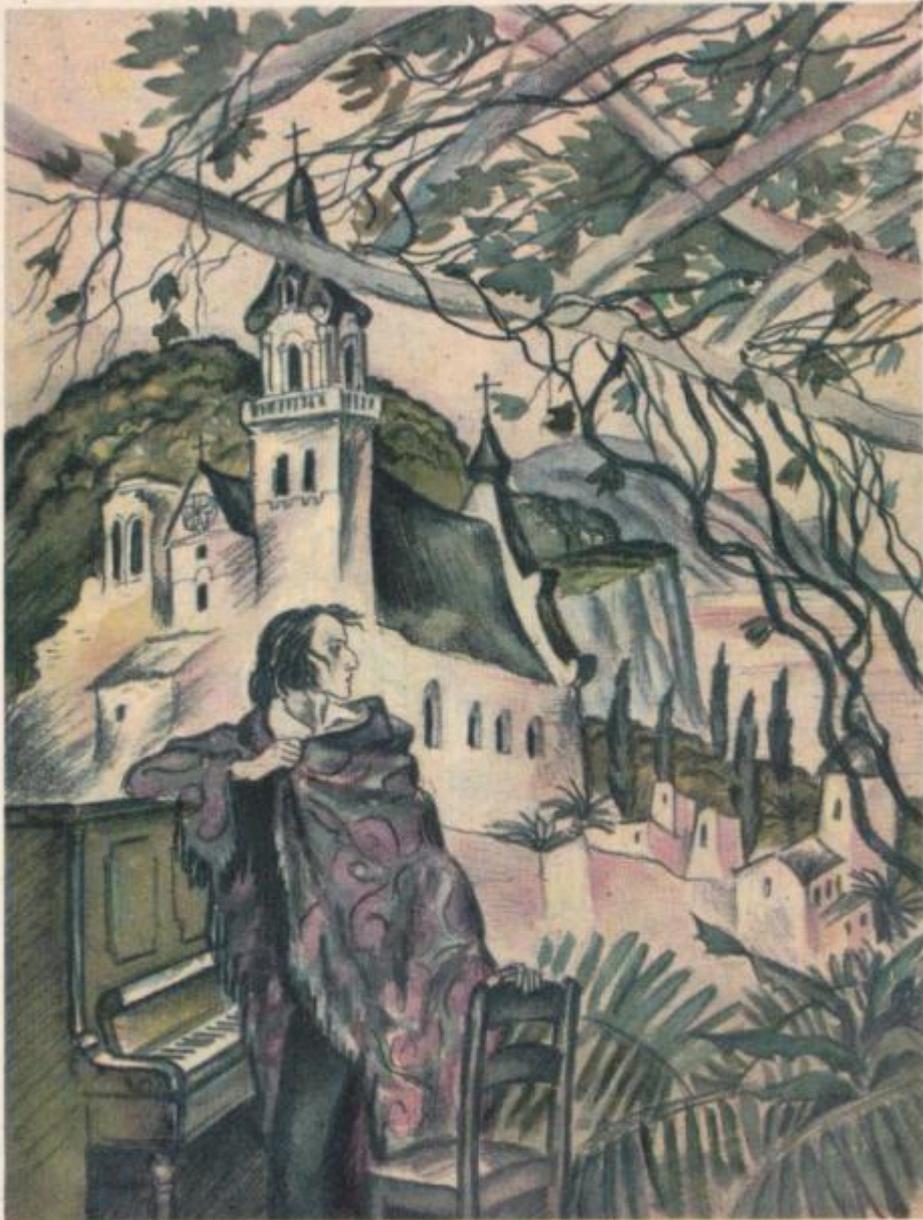
...Хочу воспользоваться этим случаем, чтобы повторить еще раз, даже рискуя показаться однообразным, что мои чувства по отношению к Тебе и мое восхищение Тобой всегда останутся неизменными и Ты можешь располагать мной во всех случаях как своим другом.

Ф. Лист – Ф. Шопену
26 февраля 1843

... Ни одна душа не была более благородной,
более деликатной, более бескорыстной,
ничья дружба более надежной и честной,
ничей ум более блестящим в веселости,
ничей рассудок более серьезным и
исчерпывающим...

Ж.Санд

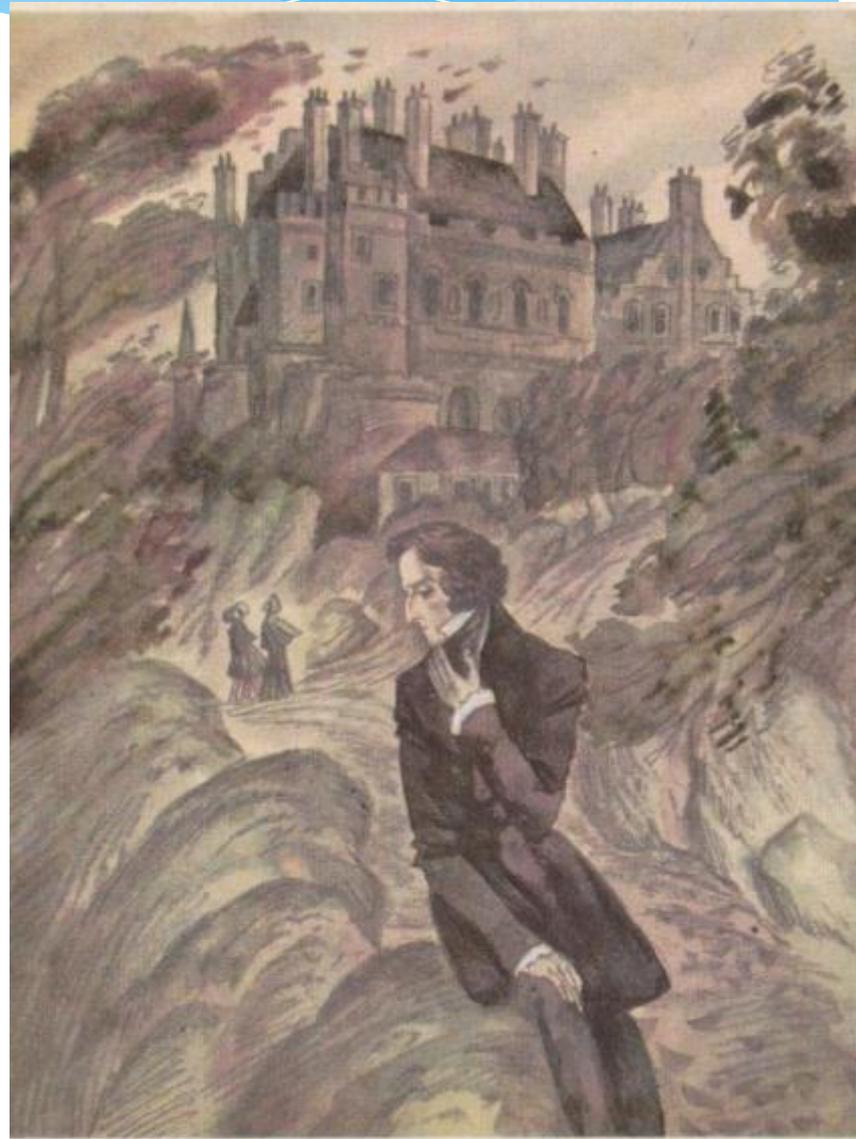

Жить буду, вероятно, в чудеснейшем монастыре, расположенном в самом красивом месте на свете: море, горы, пальмы, кладбище, храм крестоносцев, развалины мечетей, старые тысячилетние оливковые деревья. Ах, жизнь моя, я живу немного полнее... Нахожусь вблизи того, что всего прекраснее. И сам стал лучше...

Ф. Шопен – Юлиану Фонтане

Моя Жизнь! Благодарю Тебя за все твои добрые слова и за присланное письмо из дому. Слава богу, они здоровы, но беспокоятся обо мне напрасно. Я же ни беспокоиться, ни радоваться уже не в состоянии – совсем перестал что-либо чувствовать – только прозябаю и жду, чтобы это поскорее кончилось. На будущей неделе еду в Шотландию... Что я буду с собой делать потом – не знаю. Если бы только знать, что меня здесь зимой не свалит болезнь!

*Ф. Шопен – Войцеху Гжимале
18 июля 1848 г.*

Послушай еще раз его предсмертную мазурку: - в ней вылился весь человек. Боже, какую непреодолимую тоскою веет от нее! Как мучительно писалась она, какими горькими слезами плакал художник, прощаясь навсегда с тем, что составляло всю сущность его жизни – даром творчества!.. Мазурка эта была лебединою песнею поэта, последним тяжким вздохом его; от нее болезненно сжимается сердце слушателя..

Н.Ф. Христианович